

Здравствуйте, здесь живет Карлсон?

«Под крышей, на которой живет Карлсон», — так называется подготовленный к печати издательством «Правда» сборник очерков, который в ближайшее время поступит подписчикам «Библиотеки «Огонька». Его автор — известный журналист-международник, руководитель группы политических обозревателей ТАСС Юрий Корнилов.

С помощью автора читатель встретится на страницах этой книги с интереснейшими людьми: с выдающимся южноафриканским писа-

телем Алексом Ла Гумой и крупнейшим современным поэтом Азизом Фанзом Ахмадом Фанзом, со знаменитым польским романистом Ежи Пуutraментом, мастером многих увлекательных детективов болгарским писателем Богомилем Райновым и с талантливым колумбийским писателем Габриэлем Гарсиа Маркесом.

Сегодня редакция предлагает читателям «Советской России» главу, в которой рассказывается о всемирно известной шведской сказочнице Астрид Линдгрэн.

Юрий КОРНИЛОВ

ПОМНИТЕ, как начинается повесть знаменитой шведской писательницы Астрид Линдгрэн о Малыше и Карлсоне, который живет на крыше? «В городе Стокгольме на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живет обыкновенная шведская семья...» Улица, описанная в повести, — это улица Далагата. А вот и дом № 46, где родился толстенный самоуверенный человек по имени Карлсон. Создательница этого летающего человечка, приветливо улыбаясь, открывает дверь: — Заходите, рада гостям из Москвы...

Наше знакомство с Астрид Линдгрэн произошло неожиданно. Дирекция Шведского института, государственного учреждения, призванного содействовать пропаганде шведской культуры, устроила завтрак для группы советских журналистов. Приглашенные — литераторы, художники — встретились в «Виктории», одном из тех небольших, оформленных «под старину» ресторанчиков, которыми усыпан центр Стокгольма. На столах горели свечи (их в Швеции почему-то зажигают уже с утра), в подковообразном зеве камина уютно потрескивали угольки. Беседа, как всегда в таких случаях, перекрасывалась с темы на тему: предстоящие парламентские выборы и сообщения газет об археологических находках времен викингов на острове Готланд, выставка молодых художников в Стокгольмском музее современного искусства, на которой демонстрируется нашумевшее полотно «Новое платье короля», и последний фильм Ингмара Бергмана. Когда в беседе наступил антракт, сидевшая рядом молодая дама в бежевом, спортивного покрова платье и такого же цвета кепи, задорно, даже несколько лихо сдвинутым набекрень, обратилась к моему коллеге, корреспонденту ТАСС в Стокгольме Дмитрию Горохову, отличному знатоку шведского языка:

— Не поможете ли с переводом, Дмитрий? На днях получила целую пачку писем из России, по почерку вижу — пишут ребятишки, на конвертах — штемпели не только Москвы и Ленинграда, но и далеких, незнакомых мне городов...

— Наша Астрид по совместительству выполняет обязанности целой почтовой конторы, — улыбнулся директор института Еран Лефдаль. — Ведь почту ей зачастую приносят не в обычных сумках — в мешках. Всем хочется знать, когда появятся на свет новые приключения Карлсона...

И ВОТ мы с Д. Гороховым сидим в квартире писательницы, выходящей окнами на большой заснеженный парк, и она по моей просьбе рассказывает о себе. Творческая биография Линдгрэн не совсем обычна: первое ее произведение появилось на прилавках книжных магазинов, когда ей было за тридцать. Она выросла в сельской местности — отец арендовал у местного священника небольшой участок земли. Десятилетней девочкой Астрид уже хорошо знала, что такое нелегкий крестьянский труд: ей, как и ее сверстникам и сверстницам, нередко приходилось и работать в поле, помогая отцу, и ухаживать за скотом. Но, разумеется, оставалось время и для игр, и для увлекательных, полных приключений походов по живописным окрестностям Сванемунде. Хвойные леса, сбегавшие с невысоких холмов, залитые солнцем земляничные поляны, крутолобы, покрытые сырым мхом валуны у берегов холмистых озер, потрескавшиеся каменные плиты с сохранившимися на них древними руническими надписями — такой был мир, окружавший Линдгрэн и навсегда полюбившийся ей. Астрид с детства находилась под обаянием народных саг и старинных поверий; впоследствии, став взрослой и перебрывшись в город, она стала сама придумывать разные занимательные истории, в которых жизнь нередко переплетается с вымыслом, реальные факты — с фантастикой, и часто рассказывала их собственным детям. Особой популярностью пользовались дома приключения девочки, которую дочь Астрид, семилетняя Карин, предложила назвать «Пеппи Длинныйчулок». Но вот случилось так, что у Астрид впервые в жизни оказалась масса свободного времени. И она задумалась: а что, если изложить одну из сочиненных ею историй на бумаге да и послать в какое-нибудь издательство?..

— Разумеется, рукопись с совершенно неизвестной фамилией автора на титульном листе вернулась обратно с максимальной быстротой, на которую только способна шведская почта, — вспоминает Линдгрэн. — Но я проявила упорство и решила обратиться еще в одно издательство, дав, moreover, торжественную клятву, что эта попытка последняя. И тут произошло чудо: моя рукопись была не только принята, но признана лучшей на проводившемся в ту пору конкурсе детских произведений! Я не верила глазам, разглядывая книжку в нарядной обложке,

на которой черным по белому значилось: Астрид Линдгрэн. «Бритт-Мари облегчает сердце». А из издательства «Рабен ок шегрен», которое дало моему первому произведению путевку в жизнь, уже раздавались телефонные звонки: пишете ли что-нибудь еще, когда закончите?.. Годы спустя это издательство, желая отметить юбилей нашего давнего и плодотворного сотрудничества, преподнесло мне прекрасный этюд Шагала — вот он перед вами, и нет нужды говорить, что этот подарок для меня особенно ценен, и, конечно, отнюдь не в материальном смысле...

— Над чем вы сейчас работаете, Астрид?

— Ох, уж этот традиционный журналистский вопрос, на который часто так нелегко ответить! Разумеется, я думаю о новой повести, но это, пожалуй, и все, что я хотела бы сказать; хотя каждая будущая мать непременно видит своего еще не родившегося ребенка этаким удалцом и красавцем, никто не любит говорить об этом вслух... Да и как угадать, что выйдет из-под пера? Знаю, что есть немало писателей, которые, подобно шахматистам, заранее и тщательно рассчитывают предстоящую «литературную партию» на много ходов вперед. Это, наверное, хороший метод, но для меня он недостижим. Если уподобить литератора, приступающего к работе над новым произведением, путнику, отправляющемуся по неизведанной дороге, можно сказать, что я, начиная этот путь, вижу лишь небольшую его часть: один-два поворота, пригорок, лесок, кусочек серебряного озера, а дальше дорога исчезает за холмами, и мне совершенно неизвестно, куда она меня заведет... «Пока не закатится солнце, кто знает, как кончится день?»

Она сняла с полки фотографию, на которой была запечатлена группа мальчиков и девочек.

— Я и сейчас часто рассказываю сказки и всякие забавные истории, но уже не дочери, а внукам и внучкам, — как видите, у меня их семеро. А потом персонажи этих историй начинают то и дело появляться передо мной, шутят, проказничают, радуются, сердятся — только успевай стенографировать! Я не пишу, а именно стенографирую: знание стенографии сохранилось с молодости, когда я работала в небольшой провинциальной газетке «Виммербю-тиднинг», провалявшейся рекламой товаров местных бакалейных лавок и отчетами о свадьбах и похоронах. Так идет дело час, два, иногда три. И вдруг в один далеко не прекрасный миг мои герои перестают двигаться, будто это не живые мальчишки и девочки, а экспонаты музея восковых фигур. Я удивлена, огорчена, постепенно меня охватывает раздражение. «Да делайте же что-нибудь, черт побери!» — кричу я, поступаю, наверное, не очень педагогично. Иной раз упрямцы не желают слушаться, и тогда работа прекращается. Но чаще окрик действует. Проходит некоторое время — и вот (будто кто-то невидимый нажал некую таинственную кнопку!) сцена, стоящая перед моими глазами, вновь оживает: хвастунишка Карлсон взлетает над островерхими крышами, Малыш подметает в домике Карлсона ореховую скорлупу, а озорник Эмиль из Линнеберги сует голову в супницу, учит поросенка прыгать через бычью вожжу и стреляет из рогатки в миску с ревеневым киселем...

Она улыбнулась:

— Рассказывать об этом легко, но в действительности, поверьте, рождение каждой книги — трудный, сложный процесс. Дети — самые благодарные читатели, но и самые требовательные: они не терпят дидактики, разговаривать с ними надо не отвлеченными понятиями, а образами, они мгновенно улавливают малейшую фальшь и выражают свое отношение к скучной книге столь же решительно, сколь и элементарно: книга летит в угол, а юный читатель избирает занятие повеселее — ну, скажем, берет за рогатку. «Коль фальшивишь — не пой» — эту старую поговорку следовало бы возвести для детских писателей в ранг закона. Нужно, чтобы дети узнавали в книгах самих себя, чтобы книга была для них как бы продолжением жизни, а не слащавой иллюстрацией наподобие тех, что украшают цветные обложки к рождественским альманахам. Этого я и добиваюсь. У меня бывали случаи, когда иные не в меру педантичные мамы упрекали меня: вы, Астрид, дурно влияете на детей, описываете каких-то неумных озорников, сорванцов, чуть ли не анархистов! Я отвечаю в таких случаях: все нормальные дети — в той или иной мере — озорники, а вы обратили бы внимание на другое: у моих озорников доброе сердце и упорный характер, они прямодушны, честны, они верные и надежные друзья, которые в трудную минуту не растеряются, не повесят головы. И, поверьте, именно из таких вот сорванцов и вырастают со временем настоящие люди...

Библиотека Линдгрэн состав-

ляет несколько тысяч томов. Какие же книги из этого собрания больше других любимы писательницей?

— Еще много лет назад было сказано, что с книгами у нас обстоит дело так же, как с людьми: хотя мы со многими знакомимся, но лишь некоторых избираем себе в друзья, в сердечные спутники жизни. Это верно. Я могла бы назвать десятки произведений, которые ценю, даже высоко ценю, но самых любимых только три. Это трилогия Максима Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты», это «Голод» Гамсуна и это, наконец, «Фауст» Гете. Иные мои коллеги недоумевают: что за пестрота вкусов! А между тем, по моему глубокому убеждению, книги, о которых идет речь, имеют между собой много общего. Это общее не только в их высочайших литературных достоинствах, но и в их глубоком гуманизме, в том, что все три писателя, столь разнящиеся между собой, преисполнены любви и сострадания к людям. Понимаю, конечно, что речь идет о вершинах мировой литературы, достижений которых можно только в мечтах. Но ведь каждый писатель — должен вкладывать в свои произведения частичку собственного сердца, должен стремиться передать тем, для кого он пишет, то, что дорого ему самому. Одна молодая женщина, у которой было трудное, даже, можно сказать, трагическое детство, пишет мне: «Спасибо, Астрид, за ваши книги — они такие веселые, оптимистические, они придают мне сил и бодрости в те тяжелые дни...» Такие письма для меня — высшая награда.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ слава приносит немало хлопот — по мере того, как произведения Линдгрэн становятся все более популярными в разных странах, ей все чаще приходится покидать родной Стокгольм: то нужно принять участие в зарубежной постановке фильма или пьесы о Пеппи или Карлсоне, то выступить на международном литературном симпозиуме, то принять участие в юри международного конкурса на лучшую детскую книгу. Дважды побывала писательница и в Москве.

— Я, разумеется, знала о бурном расцвете культуры СССР, о том, что Советский Союз — самая «читающая страна» мира, но одно дело — знать об этом, так сказать, теоретически и совсем другое — увидеть «читающую страну» своими глазами. Первоклассные библиотеки, переполненные зрительными театры и кино, люди с книгами и журналами в метро, автобусах, трамваях — для вас все это, наверное, давно стало привычным, а меня восхитило до глубины души! Счастлива сознанием того, что многие мои книги изданы в СССР. Пользуясь случаем, хотела бы передать сердечный привет своим юным советским читателям и читательницам, пожелать им удивительных открытий, веселых приключений, хороших и верных друзей — словом, всего того светлого, неповторимого, чем так щедро одаривает своих обитателей солнечная страна под названием «детство»...

Астрид Анне Амилии Линдгрэн за семьдесят. На творческом счету писательницы 34 книги, изданные огромными тиражами в разных странах на 45 языках (напомним: только в СССР произведения писательницы издавались за период с 1957 по 1979 год более 60 раз, а их общий тираж составляет 3 659 000 экземпляров!); Астрид удостоена десятков высоких национальных и международных наград, в том числе дважды самой высокой награды, которую присуждают за книжки для детей: премии имени великого сказочника Г.-Х. Андерсена. Шведская печать активно выступает за ее избрание в число 18 членов Шведской королевской академии. Казалось бы, можно подводить итоги? Но нет: впечатление от беседы с писательницей такое, будто она только начинает путь. Слушая ее эмоциональную, образную, полную иронии и юмора речь, я невольно вспоминал тот отзыв, который дал мне о Линдгрэн известный шведский журналист и общественный деятель Свен Герентц, давно и хорошо знающий писательницу:

— Поверьте: это удивительный человек, удивительный своей энергией, жизнелюбием!...

...Почта разобрана; вечерние сумерки окрашивают деревья парка в серо-черные тона; на первом этаже дома, где живет Астрид, вспыхивает яркая неоновая вывеска «Кафе Васахоф». Громко, требовательно звонит телефон. «Это мой любимец, внук, десятилетний Улле, — говорит Астрид, взглянув на часы. — Сегодня вечером я обещала прийти к нему, чтобы рассказать новую сказку...».

Может быть, как раз сегодня маленький Улле станет первым из миллионов своих сверстников, кто услышит о новых приключениях толстячка Карлсона? Того сказочного Карлсона, который живет на крыше самого обыкновенного дома в Стокгольме, умеет летать и так полюбился детворе разных стран.